

УДК 94=161.1(045)"0/2"(47+57)

DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.629-652

EDN: CQWPFU

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ НАКАНУНЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ: «ОРДЫНСКИЙ МИР» ОТ РАСЦВЕТА ДО ЗАКАТА

В.В. Пенской^{1,2}, Пенская Т.М.^{1,3}

¹ *Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Российская Федерация*
² *penskoj@bsu.edu.ru*, ³ *penskaya@bsu.edu.ru*

Цель исследования: проследить эволюцию межгосударственных отношений в Восточной Европе в позднем Средневековье как политической системы, определить и охарактеризовать основные тенденции и этапы этого процесса и факторы, влиявшие на его ход.

Материалы исследования: сообщения летописей, дипломатическая документация (прежде всего посольские книги и переписка), книжная традиция и исторические исследования.

Результаты и научная новизна: почти двести лет в межгосударственных отношениях в Восточной Европе доминировала Золотая Орда, которая играла здесь роль, аналогичную той, что исполняла Священная Римская империя в Западной Европе, а хан Орды выступал в роли «универсального» регулятора социума, верховного судьи и арбитра внутри «ордынского мира». Господство Орды в регионе определялось ее военным, финансовым и экономическим превосходством над соседними государствами, а также «удачей» хана. Но глубокий кризис, начавшийся в середине XIV в., подорвал ордынское всевластие, поставил под сомнение «удачу» хана и предопределил распад «ордынского мира» и его «монополярной» политической системы.

К концу XIV в. этот процесс стал необратимым. «Точкой невозврата», по мнению авторов, стало пожалование ханом Токтамышем ярлыка великому князю литовскому Витовту в 1397/1398 гг. Согласно ярлыку, литвин становился «братом» хана и получал в ведение большую часть входивших в состав Орды русских земель, обязуясь взамен вернуть Токтамышу власть в Орде и выплачивать «выход» с переданных владений.

Ярлык 1397/1398 гг. предопределил общий настрой литовско-татарских отношений и заложил основы литовского великодержавия. К 30-м гг. XV в. Литва де-факто стала доминирующей силой в регионе, подчинив своему влиянию и Орду, и Русь. Однако эта эпоха длилась недолго. Смута 30-х гг. XV в., захватившая Орду, Литву и Русь, изменила расстановку политических сил в Восточной Европе. Орда в 50-х гг. распалась на полунезависимые юрты, начавшие борьбу за ордынское наследство. Великое княжество Литовское устояло, но отказалось от масштабной экспансии. Москва вышла из кризиса окрепшей и с конца 40-х гг. неуклонно проводила политику собирания земель и обретения суверенитета. В этой ситуации начинается процесс переформатирования монополярного «ордынского мира» в биполярный «постордынский».

Ключевые слова: позднее Средневековье, раннее Новое время, Восточная Европа, политические системы, межгосударственные отношения, внешняя политика, дипломатия, Золотая Орда, Великое княжество Литовское, Великое княжество Московское

Для цитирования: Пенской В.В., Пенская Т.М. Эволюция политических отношений в Восточной Европе накануне раннего Нового Времени: «ордынский мир» от расцвета до заката // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 3. С. 629–652. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.629-652 EDN: CQWPFU

**THE EVOLUTION OF POLITICAL RELATIONS IN EASTERN EUROPE
ON THE EVE OF THE EARLY MODERN PERIOD:
THE “HORDE WORLD” FROM ITS RISE TO DECLINE**

V.V. Penskoj^{1,2}, T.M. Penskaya^{1,3}

¹ *Belgorod National Research University
Belgorod, Russian Federation*

² *penskoy@bsu.edu.ru*, ³ *penskaya@bsu.edu.ru*

Abstract: *Research objectives:* The aim of the study is to trace the evolution of political relations in Eastern Europe in the late Middle Ages. It is intended to highlight the main stages of this process and the factors that influenced such relations' speed and direction with their subsequent characterization in the course of the study.

Research materials: Chronicles, statement materials, diplomatic documents, correspondence, literary traditions, historical research materials.

Results and novelty of the research: For almost two hundred years, the Golden Horde dominated interstate relations in Eastern Europe. It played a role there similar to that played by the Holy Roman Empire in Western Europe. The Khan of the Horde acted as a “universal” regulator of society, the supreme overlord and arbiter within the “Horde world.” The dominance of the Horde in the region was determined by its military, financial, and economic superiority over neighboring states, as well as the “luck” of the khan. But the deep crisis that began in the middle of the 14th century undermined the Horde's omnipotence, cast doubt on the Khan's “luck,” and predetermined the collapse of the “Horde world” and its “monopolar” political system.

By the end of the 14th century, this process had become irreversible. The “point of no return,” according to the authors, was Khan Tokhtamysh's granting of a jarlyk to the Grand Duke of Lithuania Vitovt in 1397/1398. According to the jarlyk, Lithuania's ruler became the “brother” of the khan and received control of most of the Russian lands that were part of the Horde, pledging in return to restore Tokhtamysh to power in the Horde and pay a “way out” from the transferred possessions.

The jarlyk of 1397/1398 predetermined the general tenor of Lithuanian-Tatar relations and laid the foundations of Lithuania's status as a great power. By the 1430s, Lithuania became *de facto* the dominant force in the region, subordinating both the Horde and Russia to its influence. However, this era did not last long, followed by the troubles of the same decade of 15th century that drew in the Horde, Lithuania and Russia, changing the alignment of political forces in Eastern Europe. The Horde in the 1450s broke up into semi-independent yurts which began a struggle for the Horde's inheritance. The Grand Duchy of Lithuania held out but abandoned large-scale expansion. Moscow came out of the crisis stronger from the end of the 1440s, steadily pursuing a policy of collecting land and gaining sovereignty. In this situation, the process of reformatting the monopolar “Horde world” into the bipolar “post-Horde world” began.

Keywords: Late Middle Ages, Early Modern Times, eastern Europe, political systems, interstate relations, foreign policy, diplomacy, Golden Horde, Grand Duchy of Lithuania, Grand Duchy of Moscow

For citation: Penskoj V.V., Penskaya T.M. The evolution of political relations in Eastern Europe on the eve of the Early Modern Period: the “Horde World” from its rise to decline. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 3, pp. 629–652. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.629-652 (In Russian)

29 июня 1577 г. в своем дворце в Бахчисарае скончался крымский хан Девлет-Гирей I. С его смертью закончилась целая эпоха в истории Восточной Европы (хотя осознание этого факта пришло далеко не сразу). И связан этот «La fin du siècle» был с тем, что, как писали французские историки А. Беннигсен и Ш. Лемерсье-Келькеже, после того, как пресеклась жизнь этого выдающегося крымского «царя», Крымское ханство фактически «отказывается от своих притязаний на золотоордынское наследие и от надежды восстановить чингизидские державы в Казани и Астрахани». Более того, продолжали они, «отныне татары будут прилагать усилия на западном направлении, в Венгрии, Польше или на Украине – либо в качестве простого помощника Порты, либо, иногда, в качестве независимой, или даже противостоящей Порте силы...» [66, р. 454].

Этот состоявшийся де-факто отказ Бахчисарая от претензий на восстановление золотоордынской империи, по существу, означал и завершение Средневековья во внешнеполитической истории Восточной Европы. В самом деле, несмотря на то, что к середине XV в. процессы распада Золотой Орды как доминирующего в регионе политического образования приобрели необратимый характер, воспоминания о прежнем имперском величии продолжали определять направление внешнеполитической деятельности татарских юртов, возникших на обломках Орды [см., например: 44, с. 36]. В первую очередь это касалось Крымского ханства. После распада в начале XVI в. Большой Орды его ханы остались единственными претендентами на «царский» венец среди прочих татарских династов.

Однако одного лишь желания крымской правящей элиты восстановить ордынскую империю под эгидой потомков фактического основателя Крымского ханства Менгли-Гирея I оказалось недостаточно для того, что эти претензии наполнились реальным содержанием. Судьба золотоордынского наследия определялась еще и позицией других участников «Большой Игры» в Восточной Европе – Великого княжества Литовского и Русского государства (выход которых на авансцену восточноевропейской политики был предопределен ослаблением Золотой Орды), а впоследствии – еще и Османской империи, которая опосредованно оказывала на политическое развитие региона значительное влияние.

Сложные взаимоотношения татарских юртов с этими государственными образованиями задали тот вектор, по которому развивалась восточноевропейская политическая система с 40-х – 50-х гг. XV в. вплоть до самого конца XVI столетия – т.е. на протяжении большей части «долгого XVI в.» Ф. Броделя [см., например: 67, р. 893–895]. Именно в его рамках средневековый мир и характерные для него институты и отношения постепенно сменялись раннемодерными.

Под «политической системой» в данном случае мы понимаем тоже, что и Ч. Тилли, который писал: «Государства собираются в *системы* столь широкого охвата, что они взаимодействуют, и они взаимодействуют так активно, что влияют на судьбы друг друга. Поскольку государства всегда возникают в результате борьбы за контроль над территорией или населением, то и появляются они не поодиночке, и обычно группируются в системы» [71, р. 4].

В своем развитии она прошла несколько этапов. На первом из них прежний «монополярный» «ордынский мир», основы которого были заложены еще в эпоху великих завоеваний 1-й половины XIII в. и создания Чингизидской империи, постепенно трансформировался в «биполярный» «постордынский мир». Этот переход занял примерно 100 с небольшим лет – начавшись в середине XIV в., когда Золотая Орда погрузилась в «Великую змятню», он завершился в 70-х гг. следующего столетия. Но и сам постордынский мир просуществовал недолго. В начале XVI столетия вся система межгосударственных отношений в Восточной Европе претерпевает очередную глубокую трансформацию, обусловленную изменением расстановки политических сил в регионе и сменой поколений в политических элитах главных участников региональной «Большой Игры», которая теперь разворачивается в «треугольнике» Москва – Бахчисарай – Вильно. Основным ее содержанием станет противоборство в рамках т.н. «крымского аукциона» двух имперских проектов, крымского и московского. Своего апогея оно достигнет в 3-й четверти XVI в., во время противостояния двух царей, русского и крымского – Ивана IV и Девлет-Гирея I. Поражение Девлет-Гирея в этой необъявленной войне, по существу, и поставило точку в имперских амбициях Крыма и подвело черту под средневековым в восточноевропейской внешней политике.

Нельзя сказать, что эволюция внешнеполитических отношений в Восточной Европе в эти десятилетия не была предметом пристального внимания равно отечественных и зарубежных историков. Учитывая ту роль, которую играли татарские юрты в судьбе и Российского государства, и Великого княжества Литовского вместе с Польшей (а затем Речи Посполитой), стоит ли удивляться тому, что историки этих государств с завидным постоянством обращались к этой теме, разрабатывая различные аспекты отношений между этими государственными образованиями. Анализ соответствующих историографических традиций заслуживает специального исследования, что не входит в нашу задачу, почему мы ограничимся лишь беглым обзором основных точек зрения относительно интересующей нас проблемы, сделав упор на историографию отечественную.

Для нее характерен четко выраженный антитатарский «дискурс», основы которого были заложены еще русскими летописцами времен «постордынского мира» и развит основателями отечественной исторической науки в конце XVIII – 1-й пол. XIX вв. Суть его была впервые выражена, пожалуй, князем М.М. Щербатовым, который полагал татар исконными, природными и неизменными врагами Русского государства и общества [см.: 63, с. 2–3]. Линию Щербатова в следующем столетии продолжили такие мэтры русской исторической науки, как Н.М. Карамзин [см.: 20], С.М. Соловьев [см.: 52], Н.И. Костомаров [см.: 23] и др.

Советская историография продолжила и развила эту традицию. Показательной в этом отношении является ставшее классическим фундаментальное

исследование А.А. Новосельского [см.: 33]. По существу, он во многом предопределил дальнейшее развитие «крымского» «дискурса» в новейшей отечественной историографии. Его влияние четко просматривается, к примеру, в работах В.В. Каргалова и В.П. Загородского [см.: 12; 21]. Исследований, которые так или иначе, но выпадали из этого «дискурса» и не носили столь одностороннего характера, в прежнее время было создано не так уж и много [см., например: 51; 53].

Таким образом, можно сказать, что при всех достижениях исторической науки в изучении проблем эволюции внешнеполитической системы в Восточной Европе в «долгий XVI век» большинству работ, так или иначе связанных с изучением особенностей эволюции политических отношений в регионе в это время, присущ один и тот же настрой – стремление рассматривать ее через призму двусторонних отношений, русско-татарских или литовско-татарских, причем преимущественно с точки зрения Москвы или Вильно. Это и неудивительно, если принять во внимание уровень сохранности хотя бы одной только русской или литовско-польской дипломатической документации по сравнению с крымской. Ситуация стала меняться лишь в последние десятилетия, однако и сейчас исследований, в которых была бы сделана попытка рассмотреть процесс изменения восточноевропейской политической системы в эпоху позднего Средневековья – раннего Нового времени как сквозной, при этом как минимум трехсторонней, не только с точки зрения Москвы или Вильно, но и Бахчисарая, не так уж и много [см., например: 56]. Да и те из них, которые делают это, обычно ограничиваются каким-то определенным периодом или сюжетом [см., например: 9; 13; 24; 42; 44; 54; 57; 61 и др.]. Вместе с тем, на наш взгляд, именно такой подход к анализу эволюции внешнеполитических отношений в регионе в указанное время позволяет составить более четкое и объективное представление о том, что происходило здесь в это время и почему.

Рассматривая данный процесс как целостное явление, изменяющееся под влиянием в первую очередь объективных внутренних факторов, мы опирались на положения концепции «холодных» и «горячих» обществ К. Леви-Стросса. Он указывал, что «холодные» общества (называемые нами по этой причине первобытными), желают его (неизбежный эволюционный процесс, связанный с переменами и изменениями привычного образа жизни – *В.П., Т.П.*) игнорировать и **пытаются со сноровкой, недооцениваемой нами, сделать, насколько это возможно, постоянными состояниями, считаемые ими «первичными» относительно своего развития** (выделено нами – *В.П., Т.П.*)...» [26, с. 439]. В том же, что все участники «Большой Игры» в Восточной Европе в эти два с лишком столетия были именно «холодными» обществами «первой волны» (Э. Тоффлер), – обществами аграрными и скотоводческими, сугубо консервативными и ориентированными на сохранение и воспроизводство традиции («Мы старины не рушаем, а новины не уводим») [28, стб. 144]), мы не сомневаемся. Следовательно, анализируя мотивы, которыми руководствовались политики того времени, мы должны исходить из того, что в своих действиях они стремились так или иначе или вернуть «старину» (естественно, в том виде, как они ее себе представляли), или же, по крайней мере, законсервировать устраивающий их привычный порядок вещей на возможно более долгий период времени.

В этом отношении, по большому счету, нет существенных отличий между политиками того времени что на Западе, что на Востоке, и многие эпохальные (во всяком случае, которые принято считать таковыми *a posteriori*) события начинались под вполне консервативными лозунгами (как, например, та же голландская «революция» 2-й пол. XVI в.). Вопрос стоял только в том, какая «старина», какая традиция и какой обычай будет взят за основу в качестве исходной точки отсчета. И если встать на «татарскую» точку зрения, то ответ на него будет совершенно очевидным. Тем «золотым веком», на который будут ориентироваться и татарские ханы, и окружавшая их родовая и служилая аристократия в «долгом XVI веке», будет, безусловно, золотоордынское время – тот самый «ордынский мир», который сложился окончательно к исходу XIII в.

Какими параметрами и качественными характеристиками он обладал? Сложившаяся внутри этого «мира» вполне определенная система отношений между основными и второстепенными участниками политической «игры» основывалась на нормах своего рода ордынского *jus gentium*, простого и понятного. Обеспеченное военным, финансовым и экономическим превосходством политическое доминирование Золотой Орды в Восточной Европе сомнению не подвергалось, а если кто-то и пытался это сделать, то немедля карался ордынской верховной властью. Статус Орды и ее властителя в известном смысле можно сравнить с положением в системе политических отношений в средневековой Европы Священной Римской империи и ее императора. Как отмечала Т.Д. Скрынникова, в монгольском (а, значит, и в ордынском) мире верховный глава чингизидской державы воспринимался прежде всего как универсальный регулятор социума, причем и ближнего, собственно ордынского, и дальнего [50, с. 188], в который входили сопредельные территории и земли, в том числе и не включенные в данный момент непосредственно в политическую орбиту «ордынского мира». Отсюда следует, что золотоордынский хан (которым мог быть только чингизид), занимая верхнюю строчку во властной иерархии «ордынского мира», являлся не только верховным сувереном («вольным царем»), но и сюзереном и арбитром по отношению к прочим своим вассалам и подданным – улусным и иным князьям, ордынским или относящимся к знати покоренных народов, будучи волен жаловать их за верную службу и послушание и наказывать за нарушение установленного Небом ордынского порядка.

Русских князей это касалось в первую очередь. Вряд ли случайной была обмолвка составителя Никоновской летописи, который вложил в уста хана Токтамышша следующие слова: «Аз улусы своя сам знаю, и кийждо князь русский **на моем улусе, а на своем отечестве, живет по старине** (выделено нами – *В.П., Т.П.* Примечательная постановка вопроса!), а мне служит правдою, и яз его жалую...» [27, с. 84]. В.В. Трепавлов, цитируя эту фразу из летописи, указывает, что историки скептически относятся к сообщаемой ею информации [см.: 56, с. 6]. Однако нам этот скептицизм представляется несколько поспешным, ибо он не дает ответа на вопрос – зачем летописцу, составившему этот летописный свод в то время, когда обострились отношения с Крымом, и не в последнюю очередь потому, что последний пытался восстановить прежние отношения зависимости Руси от татар, упоминать о том, что такая зависимость в старые времена имела место?

Были ли согласны русские князья с таким положением дел? Однозначный ответ на этот вопрос вряд ли возможен, однако осмелимся предположить, что это отношение менялось со временем и, в конце концов, его можно будет сформулировать как двойственное, и «да», и «нет».

«Нет» – уже хотя бы потому, что русские князья после установления ордынской власти над Русью в значительной степени утратили свою политическую субъектность, перестали быть «вольными» и были вынуждены признать свою зависимость от ордынского «царя» и искать его благоволения. «Не подобает жити на земле канови и Батыеве (выделено нами – *В.П., Т.П.*), не поклонившися има», – писал неизвестный составитель жития князя Михаила Черниговского. И не поклониться «царю» было нельзя, так как, по словам князя Михаила, вложенным в его уста книжником, «**поручи ему Бог царство света сего** (выделено нами – *В.П., Т.П.*)...» [49, с. 51, 55–56; ср.: 47, с. 105–111]. То, что это были не досужие рассуждения келейного затворника, а вполне официальное мнение, подтверждает, к примеру, пассаж из докончальной грамоты 1371 г. Дмитрия Ивановича и Ольгерда: «Что пошли в Орду ко царю люди жаловатися на князя Михаила (великого князя тверского Михаила Александровича – *В.П., Т.П.*), а **то есмы в божьи воли и в цареве, как повелит** (выделено нами – *В.П., Т.П.*)...» [11, с. 22].

При этом зависимость русских князей от ордынского «царя» была не в пример более жесткой и обременительной, нежели прежняя, от царя греческого [см., например: 34, с. 213–214, 218, 221–222, 238–248; ср.: 39, стб. 274]. Первый, в отличие от второго, не ограничивался одними лишь внешними признаками подчиненного положения русских «архонтов», а требовал вполне конкретной и определенной «службы», помощи и войском, и деньгами, причем, подчеркнем это еще раз, в отличие от василевса ордынский «царь» имел вполне реальную возможность и жаловать, и карать своих вассалов.

«Да» – похоже, русские князья довольно быстро приняли новые правила игры и сумели «встроиться» в систему внутриордынских отношений, используя их при этом в своих интересах, причем встроиться самым непосредственным образом – стать разными путями частью внутриордынской иерархии [см., например: 65, с. 8–9], как это получилось, к примеру, у Даниила Галицкого, принявшему из рук самого Батыя «злую», но тем не менее «честь» – чашу «черного» «кобыльего кумуза» [см.: 18, с. 536; 65, с. 46], или у Ярослава Всеволодича, по предположению А.А. Горского, женившегося на сестре Батыя и обретшего тем самым особый статус среди прочих татарских «князей» и вассалов [см.: 6, с. 31–37; 22, с. 75]. И нет ничего удивительного в том, что впоследствии высшая татарская аристократия пыталась меряться «дородством» и местничать с московскими государями. Для нее русские князья были такими же вассалами хана, что и она сама [см., например: 53, с. 32], и такие фигуры, как Мамай или Эдиге, ордынские улуг беки, «князья великии» [см., например: 55, с. 21], стояли на одной и той же ступеньке в татарской политической иерархии, что и великие князья литовские и владимирские. Потому-то ногайский нурадин Исмаил-мирза, праправнук Едигея, и счел для себя в конце 1553 г. возможным посчитаться годами с Иваном IV: «Яз тебя леты старее, а ты сына моего моложе. И ты мне буди сын. Как будет годно отечеству и сыновству, учнем и делати. Так бы еси ведал» [40, с. 133].

«Включенность» русских князей в ордынские дела и их вхождение в ордынскую властную иерархию открывала перед некоторыми честолюбивыми, энергичными и не стесненными при этом особыми моральными установками Рюриковичами новые перспективы, которые прежде, в рамках «старины» времен «золотой осени» Руси, были им недоступны. Подкрепленная более чем реальной силой воля хана, выраженная в его слове и оформленная в виде пресловутого «ярлыка», теперь значила больше, нежели все прежние родовые и иные межкняжеские счёты и договоренности. Как ханский вассал, «служебный князь», такой Рюрикович всегда мог апеллировать к «царскому» правосудию и рассчитывать при определенной ловкости и умении вести дела с татарскими вельможами на благоприятный результат своего челобитья. Яркий пример тому – судьба московского князя Юрия Даниловича, который сумел, вопреки «старине», получить ярлык на великое княжение [см., например: 5, с. 42]. Вообще, история борьбы московских и тверских князей за ярлык на великое княжение владимирское в 1-й трети XIV в., неоднократно становившаяся предметом подробного разбора отечественных и зарубежных историков [см., например: 5], в этом отношении весьма характерна и примечательна.

В последующие десятилетия почва для подобного рода казусов не только не исчезла. Нет, напротив, после того, как ордынские власти, наделив в дополнение к прежнему Владимирскому статусом «великого» княжества не только Московское и Тверское, но еще и Рязанское и Нижегородско-Суздальское, межкняжеские отношения в Северо-Восточной Руси обрели еще более сложный и запутанный характер, нежели прежде. Нарастающая политическая децентрализация и дисперсия власти, которой татарские «цари» своей политикой придали дополнительный импульс, способствовали тому, что теперь, в новых условиях, ни один княжеский дом не обладал достаточной мощью, чтобы диктовать свою волю остальным участникам политической игры. И теперь идея привлечения ордынского «царя» в роли верховного арбитра и посредника в сложных отношениях между различными ветвями потомков Александра Невского становилась еще более соблазнительной и многообещающей. Ведь, как заявлял боярин И.Д. Всеволожский в 1432 г. перед «царем» Улуг-Мухаммадом, защищая интересы своего суверена, великого князя Василия II, «нашь государь великий Василей ищет стола своего великого княжения, а твоего улуса, по твоему цареву жалованью и по твоим девтерем и ярлыком,... А господин наш князь Юрья Дмитреевич хочет взяти великое княжение по мертвой грамоте отца своего, а не по твоему жалованию волного царя, а ты волен в своем улусе, кого восхочеш жаловати на твоей воле...» [4, с. 188].

Подчеркнем, что обладание ханской грамотой укрепляло княжескую власть, существенно поднимало ее авторитет, не говоря уже о том, что северо-восточным русским князьям до поры до времени, находясь под ханской эгидой, можно было рассчитывать на дипломатическую и военную поддержку ордынского «царя» – память об этом была жива еще и в 50-х гг. XV в., когда величие Орды уже осталось в прошлом. Характерен в этом отношении новгородский казус 1460 г., когда владыка Иона сумел отговорить мужей новгородских, собравшихся было убить великого князя Василия и его сыновей, напомнив им о том, что старший сын Василия, Иван, отомстит Новгороду, взяв войско у татарского «царя» [29, с. 264].

В ходе регулярных вояжей русских князей в Орду вырабатывались и соответствующие процедуры, регламентировавшие порядок отношений князей с «царем» – а хоть и обычай взимания пресловутой «посошной» «пошлины». Примечательно, что эта традиция сохранялась очень долго – и в XVI в. наблюдались ее рецидивы, причем не только, к примеру, в Крымском ханстве [см., например: 35, с. 280, 587], но даже и в Ногайской Орде [40, с. 141, 168, 174].

Превратившись в «старину», став «пошлиной», эти процедуры явились составной частью обычая, которого придерживались правящие элиты равно и Орды (а вслед за нею – и возникших на ее руинах татарских юртов), и русских княжеств. Совсем не случаен был оборот, примененный Василием II в его договоре с Казимиром, великим князем литовским и королем польским, в 1449 г. – «а Орда, брате, мне знати по старыне» [11, с. 161]. Законность «царской» власти и его требований как верховного суверена на Руси (во всяком случае, той ее части, что входила в орбиту «ордынского мира») на протяжении долгого времени сомнению не подвергалась – как это было, к примеру, в 1382 г. [см., например: 5, с. 106; 45, стб. 143–144].

Однако ничто не вечно в подлунном мире, и тот порядок в «ордынском мире», который складывался и совершенствовался десятилетиями, с началом в Орде в середине XIV в. «Великой замятни» начал испытывать серьезные проблемы. Еще раз подчеркнем, что при всех прочих равных обстоятельствах ханская воля только тогда что-либо значила, если за ней стояла реальная сила, прежде всего военная. Между тем стремительно развивавшийся во 2-й половине XIV в. в Орде политический кризис и чехарда на ханском седалище, которое стало игрушкой в руках враждующих «партий», группировок и кланов при «царском дворе, очень скоро привел к тому, что авторитет ордынского суверена серьезно упал – вплоть до того, что его слово уже не воспринималось как руководство к действию [см., например: 45, стб. 95].

Возникли проблемы и с выплатой ордынского «выхода». К концу XIV в. сложилась ситуация, когда при отсутствии доброй воли со стороны русских князей только открытым насилием со стороны хана можно было добиться его выплаты, как это было в 1382 и 1408 г. Можно с уверенностью сказать, что начиная с середины XIV в. золотоордынская политическая система чем дальше, тем в большей степени испытывала серьезные проблемы. Их размах нарастал по мере того, как углублялся общий кризис, в котором оказалась сама Золотая Орда как системообразующий элемент «ордынского мира». Удача явно отвернулась от золотоордынских ханов и, естественно, что это не могло не привести к изменениям в самой системе и запуску процесса ее трансформации в новое качество.

Начало этому переходу положили литовские князья. Первоначально владения Гедиминовичей непосредственно не входили в «ордынский мир» (хотя, безусловно, определенное влияние Орды ощущалось и там). Литовские династии не были прямыми вассалами Орды подобно князьям северо-восточной Руси, хотя, судя по всему, и признавали негласно политическое верховенство Орды в регионе (как это следует из упомянутого выше договора Дмитрия Ивановича с Ольгердом). Однако ситуация начинает меняться с середины XIV в. Внутриордынские проблемы и стремительное ослабление ханской власти облегчили экспансию Великого княжества Литовского в русские земли, прежде всего южные, юго-западные и юго-восточные. Эти земли («со

всьими въходы, и зъ даньми, и з землями, и з водами») в свое время были размечены в административном плане на «тьмы», описаны и положены в «число» и обложены данями и повинностями в пользу ордынских государей [см.: 18, с. 575; 68, р. 555–558, 568, 606; 70, р. 90, 113]. Токтамыш, восстановив на время политическую стабильность и порядок в Орде, в 1393 г. направил великому князю литовскому Ягайло ярлык, в котором, по сути, де-факто признал переход этих «тем» под власть Гедиминовичей, однако потребовал взамен отправки ему причитающегося с этих территорий «выхода» [см.: 3, с. 51]. Т.о., сложилась ситуация т.н. «перекрестного суверенитета», когда формально независимые литовские великие князья оказывались вассалами Орды по факту владения бывшими «царскими» «тьмами».

Вполне вероятно, что в дальнейшем требование «выхода» могло быть дополнено и иными, и степень зависимости Гедиминовичей от Орды могла возрасти, но в ходе нового раунда «замятни» Токтамыш потерпел неудачу в борьбе за власть и бежал в Литву, где нашел приют у двоюродного брата Ягайло Витовта. «великого князя литовского и русского». Пытаясь заручиться его поддержкой для того, чтобы вернуть себе власть в Орде, Токтамыш около 1398 г. пожаловал литвина новым ярлыком, и именно его можно считать той точкой отсчета, от которой можно начинать историю 2-го, «постордынского», этапа в развитии восточноевропейской политической системы и новой «старины» в межгосударственных отношениях в регионе.

Подлинный текст этого ярлыка, судя по всему, не сохранился, однако, как отмечал И.Б. Греков, русская летописная традиция позволяет отчасти реконструировать его основные положения [9, с. 226]. Дополнительную фактуру представляют нам тексты позднейших «царских» ярлыков, прежде всего крымских, которые содержат отсылки к этому документу. Сопоставив эти сведения, можно заключить, что, помимо расширенного перечня русских «тем» (в т.ч. и северо-восточных), что передавались Токтамышем под власть Витовта [см., например: 48, с. 423] вместе с соответствующими обязательствами последнего перед первым (Р.Ю. Почекаев полагает, что в текст ярлыка эти статьи не были включены [см.: 43, с. 218], однако это противоречит той «старине», на которую ссылались крымские «цари», напоминавшие Ягеллонам об их обязательствах перед Крымом), в ярлык было включено чрезвычайно важное положение, разом менявшее все прежнее соотношение политических сил и иерархию внутри системы. Речь идет о статье, устанавливавшей официально между двумя монархами, ордынским и литовским, отношений не просто «дружбы», но еще и «братства».

Суть категории «братства» хорошо прослеживается на основании анализа межкняжеских докончаний, между князьями русскими и литовским в том числе, той эпохи. По словам А.И. Филюшкина, она предполагала «особый тип отношений, который в современной терминологии можно истолковать как «добрососедские отношения при уважении суверенитета друг друга, предполагающие потенциальный союз» [58, с. 228]. При этом, как следует из содержания межкняжеских докончаний, «братья» взаимно подтверждали полную внутреннюю автономию и суверенность друг друга (по принципу «*rex est imperator in regno suo*») в административном, судебном и фискальном отношениях [см., например: 11, с. 269, 416]. Более того, отношения «братст-

ва» предполагали, что каждый их участник обладает определенной «честью», которая не будет нарушена недружелюбным действием другой стороны.

Таким образом, называя Витовта своим «братом», Токтамыш тем самым «поднимали» его до своего уровня, уравнивал его в правах. Правда, здесь нужно сделать оговорку – получение литвином «братства» было обставлено как «царское» «жалованье», что позволяло хану в известном смысле сохранить лицо и сохранить некоторую дистанцию между собой и новоявленным «братом», который в известном смысле мог считаться «братом» «молодшим».

Два этих ханских ярлыка, 1393 и в особенности 1397/1398 гг., заложили основы новой, «постордынской», «старинны» в отношениях между татарскими юртами и Великим княжеством Литовским на последующие десятилетия. При этом, при сохранении прежней формы (вплоть до того, что и в XVI в. ханские ярлыки облекались в форму жалованной грамоты «под золотым нишаном а подь алыми пятны» [см., например: 70, р. 90, 94; ср.: 10, с. 108, 200], что подчеркивало номинально зависимое положение великих литовских князей от крымских «царей» [см., например: 64, с. 114], претендовавших на правопреемство от «царей» ордынских и ссылавшихся на прежние пожалования, в т.ч. и от Токтамыша [см.: 70, р. 90–92]), дух этих пожалований и отношение к ним со стороны литовских великих князей эволюционировали в сторону реальной независимости Вильно от Орды и возникших на ее руинах татарских юртов.

Причины этой эволюции очевидны – и сама Орда с конца XIV в., и тем более возникшие на ее месте татарские юрты, даже такие крупные и сильные, как Большая Орда и Крым, не обладали той мощью и влиянием, как прежние золотоордынские ханы. К тому же Литва с конца XIV в. играла чрезвычайно важную роль во внутритатарских разборках. Поддержка Витовтом Токтамыша дала начало этому направлению литовской политики, а за этим шагом последовали другие. Витовт, писал Д.И. Иванов, «активно вмешивался в татарские междоусобицы, выдвигая и поддерживая претендентов на золотоордынский престол» [15, с. 87; ср.: 59, с. 174–175, 179], и эту традицию с большим или меньшим успехом продолжили преемники Витовта [см., например: 59, с. 182–183].

Естественно, что, сажая на ханское седалище в Орде или в каком-либо татарском юрте «своего» кандидата, в Вильно ожидали от него соответствующих шагов навстречу, в том числе и подтверждения тех ярлыков, которые получали от «царей» предыдущие великие литовские князья. И литовские владельцы не обманывались в своих ожиданиях, тем более, что это отвечало и интересам татарских «царей», ибо пожалование ярлыков имело и обратную сторону. Получая грамоту из рук хана, пусть и им самим возведенного на трон, великий литовский князь де-юре подтверждал тем самым суверенное право ордынских «царей» и их правопреемников жаловать и казнить своих вассалов в пределах «ордынского мира» и на его ближней периферии [см., например: 59, с. 181, 184 слл.], и, соответственно, требовать от получателя грамоты регулярных выплат (пресловутых «поминков»).

Эти последние вполне могли (и зачастую именно так и происходило) трактоваться и самим «царем», и его окружением, как знак подчиненного положения литовских правителей. Вместе с тем, для великих литовских князей важным было не только подтверждение «братства» и «любви», но и то обстоятельство, что обладание «царским» ярлыком придавало дополнительную легитимность власти великих литовских князей в пожалованных татар-

скими «царями» землях (а это было немаловажным обстоятельством в тогдашних условиях, когда верховная власть институционально была слаба и нуждалась в дополнительных «подпорках» для того, чтобы успешно функционировать и навязывать свою волю обществу) [см., например: 59, с. 181]. Более того, позднее «царские» ярлыки служили и юридическим обоснованием претензий Вильно на возврат этих земель после того, как они были захвачены Москвой [см., например: 70, р. 90–91, 314].

Отношения же Москвы, которая к концу XIV в. стала, безусловно, ведущим и наиболее сильным и авторитетным северо-восточным русским княжеством, и Орды после того, как сошел с политической сцены могущественный Эдиге, в отличие от ордынско-литовских, развивались не столь однозначно. Традиция подчинения ордынским «царям» прочно укоренилась в сознании русской правящей элиты. Она продолжала довлеть над Рюриковичами и русские князья не торопились предпринимать радикальные шаги по изменению существующего status quo, молчаливо соглашаясь с тем, что ордынский «царь» продолжал по-прежнему, как и раньше, играть в межкняжеских отношениях роль верховного арбитра. Так было, к примеру, в 1423/1424 гг., когда, по мнению А.А. Горского, хан Улуг-Мухаммад восстановил своим ярлыком существование Нижегородского великого княжества [см.: 7, с. 161–163], или в 1431/1432 г., когда тот же Улуг-Мухаммад в ходе арбитража «присудил» великое княжение Василию Васильевичу (будущему Темному) в обход его дяди Юрия Дмитриевича, причем, как указывал А.А. Зимин, победивший в этом споре Василий обязался выплачивать хану пресловутый «выход» по «старине» [14, с. 47].

Однако продолжающееся развитие политического кризиса в Орде не могло не сказаться на ее отношениях Руси. Тот вектор в отношениях двух политических образований, Руси и Орды, который наметился в эпоху очередного этапа «великой замятни» во 2-й четверти XV в., после того, как был убит Эдиге и политический кризис в Орде вступил в завершающую стадию, обретая все более и более отчетливые очертания. Зависимость русского «улу-са» от ордынской власти становилась все более эфемерной, а русские князья, формально соглашаясь с тем, что ордынский «царь» по-прежнему является их сюзереном, на деле все чаще считались с его волей настолько, насколько она соответствовала их собственным интересам. Сама ситуация в Орде, когда за власть в ней одновременно боролось несколько претендентов, явно не способствовала сохранению за ними прежнего авторитета и влияния на Руси, князья которой снова, как и во времена «великой замятни», получили возможность маневрировать между претендентами на «царский» трон. Так что нет ничего удивительного, что Юрий Дмитриевич, неудовлетворенный решением Улуг-Мухаммада, вскоре по возвращению на Русь решил переиграть итоги «царского» «арбитража» силой и дважды, в 1433 и 1434 гг., силой выбивал своего племянника из Москвы и садился на великий стол.

Вместе с тем Москва не торопилась переходить на новые условия игры с Ордой по образцу, предложенному в конце XIV в. Витовтом и подхваченному его преемниками, и это при том, что соответствующие возможности в 1-й половине XV в. у нее были. Становится чуть ли не обыденностью практика выезда татарских «царевичей» на Русь [см., например: 2, с. 54; 9, с. 265–266; 31, с. 262; 44, с. 37–38], что давало в руки великим московским князьям отличный инструмент для вмешательства в ордынские политические разборки,

а в 1437 г. и вовсе сложилась ситуация, подобная той, с которой столкнулся Витовт сорока годами раньше. Ордынский «отец» Василия II Улуг-Мухаммад потерпел поражение в борьбе за власть и, пытаясь вернуть себе трон, обратился за помощью к своему «сыну» Василию. Современные русские летописи сообщают об этой истории глухо и с явным нежеланием, однако составитель позднейшего «Казанского летописца» сообщал, что беглый «царь» обещал великому князю не только «любовь верну и дружбу велику», но также был готов именовать его «любимым братом» и 10 лет не требовать с московского князя «дани» и «оброков» [19, стб. 14–15].

Не верить составителю «Казанского летописца», на наш взгляд, нет серьезных оснований – Улуг-Мухаммад, находившийся в отчаянном положении, не предложил Василию II ничего такого, чего не было к тому времени в практике отношений Чингизидов с великими литовскими князьями. Однако Василий II, поддавшись давлению со стороны неких советников (на наш взгляд, клана Юрьевичей, и в первую очередь Дмитрия Шемяки) [см., например: 5, с. 144; 36, с. 63], не принял более чем щедрое предложение хана. Итог этой истории печален – под Белевым, где окопался Улуг-Мухаммад, русское войско во главе с Юрьевичами потерпело жестокое поражение, а отношения между ханом и великими князем были испорчены. Литовский «сценарий» развития московско-ордынских отношений после «белевщины» не был реализован. Как результат, отношения между Москвой и Ордой продолжили медленно эволюционировать своим чередом в соответствии с теми тенденциями, которые наметились ранее, причем татарские «цари» отнюдь не собирались отказываться от политического господства над русскими землями с соответствующими бонусами в виде «выхода» и пр. выплат, а в Москве молчаливо соглашались с этим. Так, в докончании между Василием II и Дмитрием Шемякой, которое датируется 1441–1442 гг., упоминались и ордынский «выход», и отправка «киличеев» сразу ко двум ордынским «царям» – Кичи-Мухаммаду (который, судя по всему, полагался на тот момент в Москве «старшим» «царем» [5, с. 151]), и Сеид-Ахмадом, что означало признание их законными главами «ордынского мира» и верховными сюзеренами Руси [11, с. 108].

Однако можно ли сказать, что все вернулось на круги своя? Представляется, что нет, и в первую очередь потому, что и в Орде, и в Литве, и на Руси 2-я четверть XV в. ознаменовалась внутренними усобицами и борьбой за власть. Исход этих смут (или смуты?) для этих государств оказался разным, но именно он в дальнейшем предопределил развитие восточноевропейской политической системы на следующие почти полтора столетия.

Прежде всего коротко коснемся итогов ордынской «замятни». Для Джучиева улуса этот очередной раунд борьбы за власть оказался последним. Как отмечал А.А. Горский, на этот раз «ордынские «замятни», в отличие от прежних времен, стали заканчиваться не временной консолидацией под властью того или иного сильного правителя, а складыванием на окраинных территориях Орды особых, практически независимых политических образований» [5, с. 151]. Период относительной внутривосточной стабилизации в Орде при Токтамыше и Эдиге оказался кратковременным. После того, как на рубеже 1419/1420 гг. могущественный Эдиге, пытавшийся продолжать имперскую политику золотоордынских ханов эпохи величия Орды [см., например: 9, с. 257–264], погиб в очередной усобице, процессы ее политического распада, а

заодно и «ордынского мира», ускорились и к середине XV в. ордынское государство находилось при смерти. Еще несколько лет, и она де-факто распадется на несколько полунезависимых юртов [см., например: 57, с. 237–240]. Оговорка «полунезависимых» не случайна – нельзя не отметить в этой связи сделанное Б.Р. Рахимзяновым наблюдение. Характеризуя состояние дел на постордынском пространстве в эти годы, он отмечал, что «степень их (возникших на руинах Орды татарских юртов – *В.П., Т.П.*) автономии друг от друга была весьма условна: некоторые факты говорят нам о глубоких связях между этими политиями в течение всего XV века, а также и первой половины XVI века; эти связи ставят их независимость друг от друга под вопрос» [44, с. 36].

Эта осознаваемая татарскими элитами внутренняя связь обломков Золотой Орды, с одной стороны, неизбежно вела к тому, что, как писал все тот же Б.Р. Рахимзянов, потомки Джучи оказавшись в новой и необычной для них политической ситуации, все равно продолжали мыслить старыми категориями (как и подобает элите «холодного» общества). Инерция имперской «старинности» оказалась чрезвычайно сильной, и они продолжали считать себя правителями «единой империи, которые просто временно потеряли некоторые зоны своего прежнего влияния (выделено нами – *В.П., Т.П.*). Стоит сравнить это мироощущение с соответствующим этому настрою пассажем из послания константинопольского патриарха Антония IV великому князю Василию I [39, стб. 272–274)]...» [44, с. 35].

Эти ощущения родства и единства, не только политического, но и этнокультурного и кровного, подпитывало стремление татарских элит вернуть утраченную политическую целостность и восстановить «ордынский мир» в его прежнем состоянии в прежних границах. Основанное на «старине» такое традиционалистское по своей сути мироощущение будет оказывать влияние на действия татарских «царей» и «князей» еще на протяжении многих десятилетий, определяя и направляя их внешнеполитическую деятельность и характер отношений с Великими княжествами Литовским и с Русским государством чуть ли не до конца XVII в. С упорством, достойным лучшего применения, правящие элиты татарских юртов будут пытаться повернуть колесо истории вспять, используя и дипломатию, и прямое насилие (или угрозу его применения), не сыскав на этом пути успеха.

С другой стороны, в борьбе за ордынское политическое наследие практически сразу определились два главных фаворита – Большая Орда и Крымское ханство. Претензии первой на политическое доминирование в постордынском мире, по словам польского хрониста М. Меховского, объяснялись тем, что «орда заволжских татар, ... первая из всех по значению, ... называющая себя ... главной ордой или людьми первенствующими и свободными, отчасти потому, что сама она никому не подчинена, отчасти потому, что от нее пошли и другие орды» [30, с. 63]. Кроме того, свою роль сыграл и исход сосуществования в Орде двух «царей» – Сеид-Ахмада и Кичи-Мухаммада. После падения в 1-й половине 50-х гг. XV в. Сеид-Ахмада, контролировавшего западную часть будущей Большой Орды, Кичи-Мухаммад остался единственным законным ордынским «царем» и, умирая в 1459 г., он, как писал В.В. Трепавлов, оставил своим сыновьям, Махмуду и знаменитому Ахмаду свой юрт, «если не процветающим, то довольно устойчивым и способным соперничать с соседними юртами за первенство во владениях бывшей Золотой Орды» [57, с. 293].

Великодержавные амбиции Крымского юрта подпитывались, судя по всему, с одной стороны, поддержкой со стороны Великого княжества Литовского (Хаджи-Гирей, первый хан Крыма, пришел к власти при прямой помощи Вильно [см., например: 32, с. 49], о чем в Крыму, да и в Литве, помнили всегда [см., например: 69, р. 154, 155; 70, р. 55, 56, 60, 63, 593]) а с другой – выгодным стратегическим положением Крыма малоуязвимым со стороны суши и способностью крымских ханов в 3-й четверти XV в. выставить довольно многочисленное, от 3-х до 6-ти тыс. всадников, по тем временам войско [см., например: 62, с. 69–70]. Ногайские династы, потомки Эдиге, несмотря на многочисленность своих подданных, не обладали должным «дородством» [см., например: 55, с. 33], чтобы бороться за верховенство на постордынском пространстве. Казанские же ханы (дети и внуки проигравшего Кичи-Мухаммаду Улуг-Мухаммада) [см., например: 16, с. 61–64], равно как и астраханские «цари», судя по всему, не обладали должным военным потенциалом для того, чтобы претендовать на имперский статус. В итоге именно борьба за доминирование на постордынском пространстве между Большой Ордой и Крымским ханством составили одну из наиболее ярких и важных составляющих второго этапа развития восточноевропейской политической системы во 2-й пол. XV – нач. XVI вв.

Для Литвы последствия смуты 30-х гг. XV в. были не столь трагичны, чем для Орды, но для ее политического будущего не менее значимы. Досконально исследовавший историю великой литовской уособицы С.В. Полехов писал, что эта смута стала экзаменом на прочность Великого Литовского княжества, «и эту проверку оно выдержало» [38, с. 507]. Формально это так, однако условия, на которых княжество не рассыпалось, скрывали внутри себя семена будущих проблем. В конечном итоге они выйдут на поверхность и поспособствуют утрате Великим княжеством Литовским своего статуса доминирующей политической силы в Восточной Европе, которую оно приобрело к концу правления Витовта. Пускай, как писал Д.И. Иванов, содержащиеся в т.н. «Похвале Витовту» слова о том, что де «бяхоу крепко слоужахоу емоу велиции князи, велики князь Московьски, велики князь Тферьски, велики князь Рязаньски, велики Новьгородь, велики Пьсковь» [41, стб. 417], отражали скорее политический идеал Витовта, нежели реальность [15, с. 106], тем не менее, вряд ли стоит отрицать тот факт, что к завершению его правления Великое княжество Литовское превратилось в могущественное государство, в известном смысле подменившее собой в регионе стремительно слабевшую Орду. Теперь же, после завершения смуты, об этой великодержавной политической программе пришлось забыть – достаточно сравнить формулировки договоров Витовта с великими князьями московским, тверским и рязанским с положениями договоров, которые заключил спустя два десятилетия Казимир Ягеллон с тверским же великим князем или московским [см.: 11, с. 62–63, 67–68, 160–163, 163–164; 60, с. 51–52]. Ничего похожего на ту легкость, с которой Витовт распоряжался, к примеру, в рязанских землях к концу 20-х гг. XV в. [см., например: 25, с. 190, 191, 195, 196, 197], теперь нет и в помине. Во 2-й половине XV в. и тем более в 1-й половине следующего столетия для Вильно чем дальше, тем важнее становилась задача не сколько приобретения новых владений, сколько удержания старых, и в борьбе за сохранение «старин» все средства и любые союзники были хороши.

Москва же, в отличие от Орды и Литвы, вышла из смуты заметно окрепшей и усилившейся. Василий II одолел в конце концов своего главного соперника, Дмитрия Шемяку, «перебрал» «людишек», удалив постепенно нелояльных (или потенциально нелояльных) его дому князей и бояр, и сумел обеспечить плавный переход власти к своему сыну Ивану, закрепив при этом его главенствующее положение среди прочих князей московского правящего дома. К концу 40-х гг., когда стало очевидным, что конец междуусобицы не за горами, в Москве окончательно созрело ощущение, что «Бог переменял Орду» и теперь можно постепенно, шаг за шагом (но отнюдь не форсируя события), обрести подлинное самодержавство. И не только внутри собственно Великого княжества Московского, Владимирского и иных, но и вовне, по отношению к другим государствам (а хоть и к Литве – если Василий I признавал Витовта своим «отцом», т.е. соглашался считать себя ниже могущественного литвина в политической иерархии, то уже его сын Василий II в 1449 г. именует Казимира, преемника Витовта, своим «братом»).

К этому времени московский великий князь избавился, судя по всему, от прежнего «пиетета» перед Ордой и ее правителями. Признавая на словах ордынского «царя» своим сюзереном и время от времени выплачивая поминки (которые постепенно превращались из регулярных выплат в инструмент московского воздействия на хана и его окружение), Василий вовсе не собирался восстанавливать прежнюю практику регулярных поездок Орду и тем более испрашивать там ярлык на княжение [иное мнение см.: 5, с. 153–154], сопровождая свое челобитье немалыми подарками. И вот в 1449 г. он делает важный шаг на этом пути – в договоре с великим князем литовским Казимиром следом за традиционным оборотом «по божьей воле и по нашей любви», появляется фраза «**божьей милостью се яз**, князь велики Василеи Васильевич московской, и новгородский, и ростовский, и перьмский, и иных (выделено нами – *В.П., Т.П.*)...» [11, с. 158]. Такое построение этой фразы позволяет трактовать ее как косвенное указание на новый, суверенный статус великого князя московского. Как отмечал турецкий историк Х. Инальджик, «с принятием титула *Божьей милостью (Dei Gratia)*, ... предполагается, что великий князь Московии, должно быть, среди всего прочего претендовал и на получение права сюзеренитета напрямую от самого господина Бога. Это понятие явно входило в конфликт с сюзеренитетом хана (и не стало ли это действие Василия одной из причин, по которой Саид-Ахмед начал набеги на владения великого князя? – *В.П., Т.П.*)...» [17, с. 88]. Не стоит забывать также и о том, что к 40-м гг. XV в. относятся и первые поименования Василия II царем (правда, пока как будто только в контексте религиозной полемики с «латинянами» вокруг Флорентийской унии 1438 г. [см., например: 37, с. 207], что, впрочем, не меняет значения этого шага – в византийской религиозно-политической доктрине, хорошо известной на Руси, царю в церкви отводилось особое место).

Новому статусу Московского великого княжества соответствовала и новая политическая программа. Собрав в своих руках немалую власть в собственно московских владениях, Василий теперь приступил к собиранию земель. Сохраняя видимость вассальных отношений с Ордой и демонстрацией своей лояльности обеспечивая относительную безопасность своих южных и юго-восточных рубежей (и, на всякий случай, как отмечал Б.Н. Флоря, Василий заключил союз с Казимиром, который острием своим был нацелен против Сеид-Ахмада [см.:

59, с. 187–190)), великий московский князь обратил свой взор на северо-запад. Здесь он поставил перед собой цель восстановить доминирующее влияние Москвы, утраченное было в значительной степени в 1-й половине столетия.

Первым тяжелую руку Василия II ощутил на себе Новгород, приютивший было на время главного врага московского князя и соперника в борьбе за власть Дмитрия Шемяку. Еще в 1449 г. Василий добился от своего литовского «брата» Казимира признания Новгорода и Пскова московской сферой влияния, а заодно и Рязани [11, с. 162]. Имея на руках такой козырь, Василий, верный выработавшейся в годы смуты привычке действовать не спеша, играть вдолгую, в конце 1455 г. прислал в Новгород «взметную грамоту» с объявлением войны новгородцам за их «неисправление». Потерпев поражение под Русой, Новгород сдался и в феврале 1456 г. в Яжелбицах был подписан мир. Характеризуя это соглашение, Ю.Г. Алексеев писал, что «едва ли можно называть этот договор переломным в московско-новгородских отношениях», поскольку «Яжелбицкий мир повторил почти без изменений традиционные нормы «докончаний» между великим князем и новгородскими боярами» [1, с. 458]. Осмелимся, однако, не согласиться с мнением маститого историка. По нашему мнению, важность заключенного в Яжелбицах соглашения заключалась как раз именно в том, что он восстанавливал «старину» в отношениях между Новгородом и Москвой – «старину», выгодную Москве [8, с. 40], «старину», которая едва не была разрушена при Витовте и теперь была возвращена во всей ее полноте.

Действия Москвы по отношению к Новгороду обозначили тот вектор новой внешней политики Московского государства, который начал оформляться после завершения многолетней русской смуты. И, сравнивая результаты междоусобиц и внутренних неурядиц 2-й четверти XV в. в Орде, в Литве и Москве, нетрудно заметить, что они оказали сильнейшее влияние на формирование внешнеполитического курса, которого будут придерживаться главные игроки на восточноевропейской политической сцене в последующие десятилетия и даже столетия. Для татарских династий определяющим стало стремление вернуть старые добрые времена «ордынского мира», для литовских великих князей удержать уже имеющееся, ну а для московских государей – завершить запущенный еще в XIV в. процесс собирания власти и земель, в первую очередь, конечно, русских, пресловутого «наследия Ярослава». В этой обстановке и начал складываться «биполярный» «постордынский мир».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Ю.Г. «К Москве хотим»: закат боярской республики в Новгороде // Алексеев Ю.Г. Псков и Новгород накануне присоединения к Российскому государству (XIV – XV вв.). М.: Изд-во Олега Абышко, 2020. С. 446–554.
2. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: «Рязань. Мир», 2011. 512 с.
3. Березин И.Н. Ханские ярлыки. Казань: Тип.-я Н. Коквина, 1850. 158 с.
4. Вологодско-Пермская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXVI. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2006. 432 с.
5. Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2005. 214 с.
6. Горский А.А. Наследование великого княжения в середине XIII в., Батый и мачеха Александра Невского // Российская история. 2020. № 4. С. 31–37.

7. Горский А.А. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV – середине XV в. // Средневековая Русь. М.: Изд-во «Индрик», 2004. С. 140–170.
8. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 407 с.
9. Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М.: Наука, 1975. 519 с.
10. Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2004. 276 с.
11. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 586 с.
12. Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. 272 с.
13. Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.). М.: Изд-во «Рудомино», 2004. 216 с.
14. Зимин А.А. Витязь на распутье. М.: Мысль, 1991. 286 с.
15. Иванов Д.И. Московско-литовские отношения в 20-е годы XV столетия // Средневековая Русь. Вып. 2. С. 79–115.
16. Илюшин Б.А. Казанские войны Василия III. Казань: Логос, 2021. 428 с.
17. Инальджик Х. Отражение в титулатуре силовых взаимоотношений между Россией, Крымом и Османской империей // Крымское историческое обозрение. 2019. № 2. С. 86–107.
18. Ипатьевская летопись // Русские летописи. Т. XI. Рязань: Александрия, 2001. 672 с.
19. История о Казанском ханстве (Казанский летописец) // Полное собрание русских летописей. Т. XIX. М.: Языки русской культуры, 2000. 328 с.
20. Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн II. Т. V, VI, VII и VIII. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1842. 625 с.
21. Каргалов В.В. На степной границе. Оборона «крымской украины» Русского государства в первой половине XVI столетия. М.: Наука, 1974. 182 с.
22. Карпини Джиованни дель Плано. История монгалов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1957. С. 23–86
23. Костомаров Н.И. Личность царя Ивана Васильевича Грозного // Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования: в 2-х книгах. Кн. 1. М.: Книга, 1989. С. 5–53.
24. Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. Исследования по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб.: Академия исследования культуры, 2015. 452 с.
25. Лаврентьев А.В. После Куликовской битвы. Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв. М.: Квадрига, 2011. 256 с.
26. Леви-Стросс К. Неприрученная мысль // Леви Стросс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М.: Академический проект, 2008. С. 143–501.
27. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. Т. XI. М.: Языки русской культуры, 2000. 264 с.
28. Литовская Метрика. Т. I // Русская историческая библиотека. Т. XX. СПб.: Сенатская типография, 1903. VII. 50–1566. 258 с.
29. Львовская летопись / Полное собрание русских летописей. Т. XX. М.: Языки славянских культур, 2005. 704 с.
30. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1936. 288 с.
31. Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М.: Языки славянской культуры, 2004. 488 с.

32. Некрасов А.М. Возникновение и эволюция Крымского государства в XV – XVI веках // Отечественная история. 1999. № 2. С. 48–58.
33. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 447 с.
34. Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М.: Янус-К, 1998. 655 с.
35. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. Т. II. 1508–1521 гг. // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 95. СПб.: Печатня С.П. Яковлева, 1895. 788 с.
36. Пенской В.В. Злой гений // История в подробностях. 2013. № 8. С. 60–65.
37. Повесть Симеона суздальского об осьмом (флорентийском) соборе // Павлов А.Н. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб.: Тип.-я Императорской Академии наук, 1878. С. 198–210.
38. Полехов С.В. Наследники Витовта. Династическая вона в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М.: Индрик, 2015. 712 с.
39. Послание Антония Василию Дмитриевичу / Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. // Русская историческая библиотека. Т. VI. СПб., 1908. Приложения. Стб. 266–276.
40. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). Казань: Татарское книжное издательство, 2006. 391 с.
41. Похвала Витовту // Полное собрание русских летописей. Т. XVII. М.: Языки славянских культур, 2008. Стб. 417–420.
42. Почекаев Р.Ю. Из вассалов в сюзерены. Российское государство и наследники Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2017. 432 с.
43. Почекаев Р.Ю. Русские земли в татарско-литовских отношениях и Москва (по данным ханских ярлыков конца XIV – начала XVI в.) // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. I. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2006. С. 213–229.
44. Рахимзянов Б.Р. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. СПб.: Евразия, 2016. 396 с.
45. Рогожский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. XV. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 1–187.
46. Россия и степной мир Евразии. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2006. 432 с.
47. Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М.: Квадрига, 2009. 248 с.
48. Русский Хронограф // Полное собрание русских летописей. Т. XXII. М.: Языки славянских культур, 2005. 896 с.
49. Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития (обзор редакций и тексты). Т. II. Тексты. М., 1915. 186 с.
50. Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. СПб.: Евразия, 2013. 384 с.
51. Смирнов И.И. Восточная политика Василия III // Исторические записки. № 27. 1948. С. 18–66.
52. Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. III. Т. 5–6. М.: Мысль, 1989. 783 с.
53. Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки Московии ордена Ленина Государственного университета им. М.В. Ломоносова. Вып. 61. История. Т. 2. М., 1940. С. 3–71.
54. Трепавлов В.В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2007. 255 с.

55. Трепавлов В.В. «Орда самовольная». Кочевая империя ногаев XV–XVI веков. М.: Квадрига, 2013. 224 с.
56. Трепавлов В.В. «Русский улус» Золотой Орды // Российская история. 2021. № 1. С. 3–15.
57. Трепавлов В.В. Степные империи Евразии. Монголы и татары. М.: Квадрига, 2015. 368 с.
58. Филюшкин А.И. Титулы русских государей. М.-СПб.: Альянс-Архео, 2006. 256 с.
59. Флоря Б.Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460) // Славяне и их соседи. Вып. X. Славяне и кочевой мир. М.: Наука, 2001. С. 172–196.
60. Хорошкевич А.Л. Документы начала XV в. о русско-литовских отношениях // Культурные связи России и Польши в XI–XX вв. М.: УРСС, 1998. С. 39–57.
61. Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 336 с.
62. Шейхумеров А.А. Армия Крымского ханства: организация и тактика (XV – XVIII вв.). Казань-Симферополь: Институт истории м. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 304 с.
63. Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. Т. V. Ч. II. СПб.: Императорская Академия наук, 1789. 444 с.
64. Юзефович Л.А. Русский посольский обычай XVI века // Вопросы истории. 1977. № 8. С. 114–125.
65. Юрченко А.Г. Элита монгольской империи: время праздников, время казней. СПб.: Евразия, 2013. 432 с.
66. Bennigsen A., Lemerrier-Quellejay Ch. La Moscovie, l'Empire ottoman et la crise successorale de 1577–1588 dans le khanat de Crimée: La tradition nomade contre le modèle des monarchies sédentaires, Cahiers du Monde russe et soviétique, Vol. 14, No. 4 (Oct. – Dec., 1973), pp. 453–487.
67. Braudel F. The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II. Vol. II. London: Harper & Row, 1974. 1375 p.
68. Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). Leiden-Boston, Brill, 2011. 1049 p.
69. Lietuvos Metrica. Kn. № 5 (1427–1506). Vilnius Mokslo ir enciklopedijų leidykla 1993. 402 p.
70. Lietuvos Metrica. Kn. № 7 (1506–1539). Vilnius: LII leidykla, 2011. 1012 p.
71. Tilly Ch. Coercion, Capital, And European States, AD 990–1992. Cambridge – Oxford: Blackwell, 1990. 269 p.

Сведения об авторах: Виталий Викторович Пенской – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, ул. Победы, 85, Белгород, Российская Федерация). E-mail: penskoj@bsu.edu.ru

Татьяна Михайловна Пенская – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, ул. Победы, 85, Белгород, Российская Федерация). E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

*Поступила 08.03.2022 Принята к публикации 27.06.2022
Опубликована 29.09.2022*

REFERENCES

1. Alekseev Yu.G. “We want to go to Moscow”: the decline of the boyar republic in Novgorod in Alekseev Yu.G. *Pskov and Novgorod on the eve of joining the Russian state (XIV–XV centuries)*. Moscow: Publishing house of Oleg Abyshko, 2020, pp. 446–554. (In Russian)
2. Belyakov A.V Chinggisids in Russia in the 15th–17th centuries: prosopographic research. Ryazan: «Ryazan. Mir», 2011. 512 p. (In Russian)
3. Berezin I.N. Khan's jarlyks. Kazan: Kokovin's typ., 1850. 158 p. (In Russian)
4. Vologda-Perm chronicle in *Complete collection of Russian chronicles*. T. XXVI. Moscow: Manuscript Monuments of Ancient Rus, 2006. 432 p. (In Russian)
5. Gorskiy A.A. Moscow and the Horde. Moscow: Science Publishing House, 2005. 214 p. (In Russian)
6. Gorskiy A.A. Inheritance of the great reign in the middle of the XIII century. Batu and stepmother of Alexander Nevsky in *Russian history*. 2020, no. 4, pp. 31–37. (In Russian)
7. Gorskiy A.A. The fate of the Nizhny Novgorod and Suzdal principalities at the end of the XIV – the middle of the XV centuries in *Medieval Rus*. Moscow: Indrik Publishing House, 2004, pp. 140–170. (In Russian)
8. Charters of Veliky Novgorod and Pskov. Moscow-Leningrad: Publishing House of Academy of Science of USSR, 1949. 407 p. (In Russian)
9. Grekov I.B. Eastern Europe and the decline of the Golden Horde (at the turn of the XIV – XV centuries) Moscow: Science Publishing House, 1975. 519 p. (In Russian)
10. Grigorev A.P. Collection of khan's jarlyks to Russian metropolitans. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University, 2004. 276 p. (In Russian)
11. Testament's and contractual charters of the great and appanage princes of the XIV – XVI centuries. Moscow-Leningrad: Publishing House of Academy of Science of USSR, 1950. 586 p. (In Russian)
12. Zagorovskiy V.P. The history of the entry of the Central Black Earth Region into the Russian state in the 16th century. Voronezh: Voronezh State University Publ., 1991. 272 p. (In Russian)
13. Zaytsev I.V. Between Moscow and Istanbul. Juchid states, Moscow and the Ottoman Empire (early 15th–first half of the 16th centuries). Moscow: “Rudomino” Publishing House, 2004. 216 p. (In Russian)
14. Zimin A.A. A Knight at a Crossroads. Moscow: Thought Publishing House, 1991. 286 p. (In Russian)
15. Ivanov D.I. Moscow-Lithuanian relations in the 20s of the 15th century in *Medieval Rus*. Iss. 2, pp. 79–115. (In Russian)
16. Ilyushin B.A. Kazan wars of Vasily III. Kazan: Logos Publishing House, 2021. 428 p. (In Russian)
17. Inalzhik X. Reflection in the title of power relations between Russia, Crimea and the Ottoman Empire in *Crimean Historical Review*. 2019, no. 2, pp. 86–107. (In Russian)
18. The Ipatiev's Chronicle in *Russian Chronicles*. Vol. XI. Ryazan: Aleksandriya Publishing House, 2001. 672 p. (In Russian)
19. History of the Kazan Khanate (Kazan Chronicler) in *Complete collection of Russian chronicles*. T. XIX. Moscow: Languages of Russian culture, 2000. 328 p. (In Russian)
20. Karamzin N.M. History of Russian State. Part. II. Vol. V, VI, VII i VIII. St. Petersburg: Eduard Prats's Publishing House, 1842. 625 p. (In Russian)
21. Kargalov V.V. On the steppe border. Defense of the “Crimean Ukraine” of the Russian state in the first half of the 16th century. Moscow: Science Publishing House, 1974. 182 p. (In Russian)
22. Karpini Dzhiovanni del' Plano. History of the Mongols in *Travels to the eastern countries of Plano Carpini and Rubruk*. Moscow: [State Publishing House of geographical literature, 1957, pp. 23–86. (In Russian)

23. Kostomarov N.I. The personality of Tsar Ivan Vasilyevich the Terrible in Kostomarov N.I. *Historical monographs and research: v 2-x knigax*. Book 1. Moscow: Book Publishing House, 1989, pp. 5–53. (In Russian)

24. Krivosheev Yu.V. Rus' and Mongols. Research on the history of North-Eastern Rus', XII–XIV centuries St. Petersburg: [Academy of Culture Research, 2015. 452 p. (In Russian)

25. Lavrent'ev A.V. After the Battle of Kulikovo. Essays on the history of the Okadon region in the last quarter of the 14th – first quarter of the 16th centuries Moscow: Quadriga Publishing House, 2011. 256 p. (In Russian)

26. Levi-Stross K. [Untamed thought in Levi Stross K. *Totemism today. An untamed thought*. Moscow: Academic project, 2008, pp. 143–501. (In Russian)

27. Chronicle collection called the Patriarch or Nikon Chronicle in *Complete collection of Russian chronicles*. T. XI. Moscow: Languages of Russian culture, 2000. 264 p. (In Russian)

28. Lithuanian Metrica. T. I in *Russian Historical Library*. Vol. XX. St. Petersburg: Senate's Printing House, 1903. VII – 50 – 1566. 258 p. (In Russian)

29. Lvov's Chronicle in *Complete collection of Russian chronicles*. Vol. XX. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2005. 704 p. (In Russian)

30. Mekhovskiy M. Tractate on two Sarmatias. Moscow-Leningrad: Publishing House Academy of Science of USSR. 1936. 288 p. (In Russian)

31. Moscow annalistic collection of the late 15th century in *Complete collection of Russian chronicles*. Vol. XXV. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2004. 488 p. (In Russian)

32. Nekrasov A.M. The emergence and evolution of the Crimean state in the XV – XVI centuries in *National history*. 1999, no, 2, pp. 48–58. (In Russian)

33. Novosel'skiy A.A. The struggle of the Moscow state with the Tatars in the 17th century. Moscow-Leningrad: Publishing House Academy of Science of USSR, 1948. 447 p. (In Russian)

34. Obolenskiy D. Byzantine Commonwealth of Nations. Six Byzantine portraits. Moscow.: Yanus-K, 1998. 655 p. (In Russian)

35. Monuments of the diplomatic relations of the Moscow state with the Crimea, Nagai and Turkey. Vol. II. 1508–1521 gg. in Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 95. St. Petersburg: S.P. Yakovlev's Printing House, 1895. 788 p. (In Russian)

36. Penskoj V.V. Evil genius in *History in detail*. 2013, no. 8, pp. 60–65. (In Russian)

37. The story of Simeon of Suzdal about the octopus (Florentine) synod in Pavlov A.N. *Critical Experiments on the History of the Ancient Greco-Russian Polemics Against the Latins*. St. Petersburg: Printing house of Imperial Academy of Sciences, 1878, pp. 198–210. (In Russian)

38. Polexov S.V. Vitovt's heirs. Dynastic won in the Grand Duchy of Lithuania in the 30s of the 15th century. Moscow: Indrik Publishing House, 2015. 712 p. (In Russian)

39. Message from Anthony to Vasily Dmitrievich in *Monuments of Old Russian canon law. Ch. 1. in Russian Historical Library*. Vol. VI. St. Petersburg: [Printing house of Imperial Academy of Sciences, 1880. Prilozheniya. Stb. 266–276. (In Russian)

40. Ambassadorial books on Russia's relations with the Nogai Horde (1551–1561). Kazan: Tatar Book Publishing House, 2006. 391 p. (In Russian)

41. Panegyric to Vitovt in *Complete collection of Russian chronicles*. T. XVII. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2008. Stb. 417–420. (In Russian)

42. Pochekaev R.Yu. From vassals to suzerain. The Russian state and the heirs of the Golden Horde. St. Petersburg: Evraziya Publishing House, 2017. 432 p. (In Russian)

43. Pochekaev R.Yu. Russian lands in Tatar-Lithuanian relations and Moscow (according to the khan's jarlyks of the late 14th – early 16th centuries) in *Proceedings of the Department of Russian History from Ancient Times to the 20th Century*. Vol. I. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2006, pp. 213–229. (In Russian)

44. Raximzyanov B.R. Moscow and the Tatar world: cooperation and confrontation in an era of change, XV–XVI centuries. St. Petersburg: Evraziya Publishing House, 2016. 396 p. (In Russian)
45. Rogozhsky chronicler in *Complete collection of Russian chronicles*. Vol. XV. Moscow: Languages of Russian culture, 2000, pp. 1–187. (In Russian)
46. Russia and the steppe world of Eurasia. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2006. 432 p. (In Russian)
47. Rudakov V.N. Mongol-Tatars through the eyes of ancient Russian scribes of the middle of the 13th–15th centuries. Moscow: Quadriga Publishing House, 2009. 248 p. (In Russian)
48. Russian Chronograph in *Complete collection of Russian chronicles*. Vol. XXII. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2005. 896 p. (In Russian)
49. Serebryanskiy N.I. Old Russian princely lives (review of editions and texts). Vol. II. Teksty. Moscow: Society of Russian History and Antiquities at Moscow. university], 1915. 186 p. (In Russian)
50. Skrynnikova T.D. Charisma and power in the era of Genghis Khan. St. Petersburg: Evraziya Publishing House, 2013. 384 p. (In Russian)
51. Smirnov I.I. Vostochnaya politika Vasiliya III [Eastern policy of Vasily III]. *Istoricheskie zapiski* [Historical notes], no. 27. 1948, pp. 18–66. (In Russian)
52. Solovev S.M. History of Russia since ancient times in Solov`ev S.M. *Writings in eighteen books*. Book III. Vol. 5–6. Moscow: Thought Publishing House, 1989. 783 p. (In Russian)
53. Syroechkovskiy V.E. Muhammad-Giray and his vassals in *Scientific notes of Muscovy of the Order of Lenin of the State University named M.V. Lomonosov*. Iss. 61. Istoriya. Vol. 2. Moscow, 1940, pp. 3–71. (In Russian)
54. Trepavlov V.V. “White Tsar”. The image of the monarch and the idea of citizenship among the peoples of Russia in the 15th–18th centuries. Moscow: Ed. firm “Eastern Literature” RAS, 2007. 255 p. (In Russian)
55. Trepavlov V.V. “The horde is independet”. Nogai nomadic empire of the 15th – 16th centuries. Moscow: Quadriga Publishing House, 2013. 224 p. (In Russian)
56. Trepavlov V.V. “Russian ulus” of the Golden Horde in *Russian history*. 2021, no. 1, pp. 3–15. (In Russian)
57. Trepavlov V.V. Steppe empires of Eurasia. Mongols and Tatars. Moscow: Quadriga Publishing House, 2015. 368 p. (In Russian)
58. Filyushkin A.I. Titles of Russian sovereigns. Moscow-St. Petersburg: Alliance-Archeo, 2006. 256 p. (In Russian)
59. Florya B.N. Horde and states of Eastern Europe in the middle of the 15th century (1430–1460) in *Slavs and their neighbors. Issue X. Slavs and the nomadic world*. Moscow: Nauka Science Publishing House, 2001, pp. 172–196. (In Russian)
60. Khoroshkevich A.L. Documents from the beginning of the 15th century. about Russian-Lithuanian relations in *Cultural ties between Russia and Poland in the XI–XX centuries*. Moscow: URSS, 1998, pp. 39–57. (In Russian)
61. Khoroshkevich A.L. Russia and Crimea: from union to confrontation. Late 15th – early 16th centuries. Moscow: E`ditorial URSS, 2001. 336 p. (In Russian)
62. Sheykhumerov A.A. Army of the Crimean Khanate: organization and tactics (XV – XVIII centuries). Kazan-Simferopol: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 304 p. (In Russian)
63. Shcherbatov M.M. Russian history from ancient times. Vol. V. Part. II. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1789. 444 p. (In Russian)
64. Yuzefovich L.A. Russian embassy custom of the 16th century in *Questions of history*. 1977, no. 8, pp. 114–125. (In Russian)
65. Yurchenko A.G. Elite of the Mongol Empire: the time of holidays, the time of executions. St. Petersburg: Evraziya Publishing House, 2013. 432 p. (In Russian)

66. Bennigsen A., Lemerrier-Quellejey Ch. La Moscovie, l'Empire ottoman et la crise successorale de 1577–1588 dans le khanat de Crimée: La tradition nomade contre le modèle des monarchies sédentaires in *Cahiers du Monde russe et soviétique*. Vol. 14, no. 4 (Oct. – Dec., 1973), pp. 453–487.

67. Braudel F. *The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II*. Vol. II. London: Harper & Row, 1974. 1375 p.

68. Kołodziejczyk D. *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century)*. Leiden-Boston, Brill, 2011. 1049 p.

69. *Lietuvos Metrica*. Kn. № 5 (1427–1506). Vilnius Mokslo ir enciklopedijų leidykla 1993. 402 r.

70. *Lietuvos Metrica*. Kn. № 7 (1506–1539). Vilnius: LII leidykla, 2011. 1012 p.

71. Tilly Ch. *Coercion, Capital, And European States, AD 990–1992*. Cambridge – Oxford: Blackwell, 1990. 269 p.

About the authors: Vitaly V. Penskoy – Dr. Sci. (History), Professor at the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University (85, Pobeda Str., Belgorod 308015, Russian Federation). E-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Tatyana M. Penskaya – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University (85, Pobeda Str., Belgorod 308015, Russian Federation). E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

Received March 8, 2022 Accepted for publication June 27, 2022

Published September 29, 2022